

Господину Ведеревскому

Грандому

онъ авиографъ.

В. Е. Коршъ

О НѢКОТОРЫХЪ
Славянскихъ словахъ
и ихъ языческаго происхожденія.

ХАРЬКОВЪ.

Электр. Типо-Литографія С. А. Шмерковича, Московск. 15.

1904 г.

Отдельные отиски изъ сборника статей по славяновѣднiю, посвящен-
ныхъ профессору М. С. Дринову.

2007110906

р. 32-9

0 20
163

О некоторых славянских словах иноязычнаго происхождения.

Предлагаемыя здѣсь замѣтки относятся исключительно къ словамъ, уже обращавшимъ на себя вниманіе этимологовъ, какъ русскихъ, посвятившихъ имъ особыя статьи въ спеціальныхъ журналахъ или касавшихся ихъ болѣе или менѣе случайно, такъ и чужестранныхъ, каковы Миклошичъ, Матценауэръ и Таммъ, разсматривавшіе ихъ въ цѣлыхъ отдѣльныхъ сочиненіяхъ. Совокупными усиліями этихъ ученыхъ собраны чуть-ли не всѣ слова, заимствованныя славянами у другихъ народовъ, только не восточныхъ, не смотря на наличность такого объемистаго и систематическаго труда, какъ Миклошичевы *Türkische Elemente in den südost—und osteuropäischen Sprachen* съ двумя выпусками дополненій и поправокъ. Правда, „турецкіе элементы“ еще не значить „восточные“ вообще, но для славянъ оба эти понятія почти совпадаютъ, потому что и арабскія и персидскія и монгольскія слова проникали къ славянамъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ черезъ ту или другую турецкую среду. Тѣмъ болѣе полное обследованіе восточныхъ, особенно сѣверно-азіатскихъ и средне-азіатскихъ, элементовъ въ славянскихъ языкахъ представляетъ собою долгъ русскихъ ученыхъ, и нельзя сказать, чтобы они мало или бесплодно потрудились на этомъ поприщѣ. Но до сихъ поръ и западныя и восточныя заимствованія рѣдко привлекали къ себѣ вниманіе нашихъ лингвистовъ какъ предметъ спеціального и послѣдовательнаго изученія, которое требуетъ не одного простаго знанія тѣхъ или иныхъ чужихъ языковъ, а строго-научнаго знакомства съ цѣлыми группами ихъ, связанными родствомъ или культурой, и кропотливыхъ историческихъ розысканій для выясненія древнѣйшихъ формъ и значеній изслѣдуемыхъ словъ. Благодаря почину М. И. Михельсона, пожертвовавшему въ Академію Наукъ значительную сумму для образованія премій за лучшія работы по составленію этимологическаго словаря русскаго языка, настала наконецъ пора, когда можно ожидать окончательнаго собранія и, по возможности, безспорнаго истолкованія всѣхъ чуждыхъ стихій, вошедшихъ въ составъ нашей рѣчи съ древнѣйшихъ временъ, такъ какъ первой задачей, поставленной про-

свѣщеннымъ жертвователемъ, было, конечно, выдѣленіе всѣхъ тѣхъ словъ, которыя не составляютъ прямого индо-европейскаго наслѣдія. Занятія этимъ предметомъ въ связи именно съ оцѣнкой трудовъ, вызванныхъ преміями М. И. Михельсона, и навели меня на тѣ соображенія о нѣкоторыхъ западныхъ или считаемыхъ таковыми заимствованіяхъ, которыя я представляю теперь на судъ специалистовъ.

1) *Грекъ*. Древнѣйшая форма, къ которой восходятъ и болг. *грѣк*, серб. *грѣ*, чеш. *гек*, есть црк.-слав. *грѣкъ*. Непосредственное сближеніе ея съ лат. *græcus* едва-ли допустимо въ виду *ь*, на мѣстѣ котораго ае дало-бы *ъ*; да и вообще сомнительно, чтобы латинскія слова проникали въ црк.-славянскій языкъ прямо отъ Римлянъ, безъ германскаго посредства. А у Германцевъ мы находимъ также долгій гласный звукъ, который у Славянъ отразился-бы въ видѣ того-же *ъ*, и сверхъ того въ тѣ времена не звонкое *g*, съ которымъ звучать теперь нѣм. *griechе*, англ. *greek*, швед. *grek* и др., а, согласно съ закономъ перебоя согласныхъ, глухое *k* или *ch*: гот. *kreks*, др.-в.-нѣм. *krīach* или *chriah*. И такъ для объясненія древнѣйшаго славянскаго *грѣкъ* остается лишь подлинное греческое названіе этого народа *Γραικός*, фонетически *грекѣс*, если прочесть это слово помалорусски. Правда, отсюда естественнѣе было-бы ожидать формы **грекъ*; однако напр. даже при *цѣсарь* отъ др.-в.-нѣм. *keisar*—лат. *caesar* есть *цѣсарь*. Эти двѣ формы, вѣроятно, различались также удареніемъ, которое въ первой должно было падать на начало, а во второй—на конецъ, т. е. на окончанія падежей, какъ въ словѣ *царь*, сокращенномъ изъ *цѣсарь*. Причиной такого переноса ударенія было смѣшеніе латинско-нѣмецкаго окончанія—*ar* со славянскимъ—*арь*, хотя, можетъ быть, и неполное: по крайней мѣрѣ, серб. *цар* род. п. *цара* съ короткимъ нисходящимъ удареніемъ указываетъ на **цѣсарь* род. п. *цѣсаря* (а не **цѣсарь* род. **цѣсаря* съ долгимъ *a*). Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что и въ русскомъ языкѣ и въ сербскомъ и даже въ црк.-славянскомъ могли дѣйствовать различныя аналогіи въ направленіи такъ называемаго Systemzwang, т. е. уравненія падежныхъ формъ и подвода одиночныхъ или не установившихся въ грамматическомъ отношеніи словъ подъ утвердившіеся отдѣлы флексій. Какъ-бы то ни было, удареніе въ словѣ *цѣсарь* не на первомъ его слогѣ не подлежитъ спору, и оно-то, конечно, и вызвало сокращеніе звука *ъ* въ *ь*. То-же могло случиться и въ **грекъ* подъ влияніемъ ударенія въ словѣ *Γραικός*, откуда у Славянъ должно было произойти **грекъ* род. п. **грека*. Объяснить попятный переносъ ударенія въ русскомъ *грекъ* род. *грека* и серб. *грѣ* род. *грѣа* съ короткимъ нисходящимъ удареніемъ, правда, нелегко, но и трудность такого рода сама по себѣ еще не доказываетъ ложности предложенной выше догадки, въ пользу которой говоритъ не-

вѣроятность происхожденія славянской формы изъ латинской или германскихъ. Что до употребленія слова *Γραικός* у самихъ Грековъ, то подъ римскимъ владычествомъ оно распространилось у нихъ и у ихъ со-сѣдей, по видимому, путемъ официальной латинской терминологіи, вліяніе которой въ этомъ случаѣ было еще усилено христіанствомъ, придавшимъ слову *Ἕλληγ* ненавистное значеніе язычника. Прямо къ лат. *graecus*, но уже черезъ школу, примыкаетъ польское *grek*.

2) *Доместикъ* есть, очевидно, такая-же механическая передача византійскаго *δομέστικος*, какъ оно — латинскаго *domesticus*; но странны русскія формы *деместикъ*, *деместьникъ* и *демественикъ* съ производнымъ *демество* и *демественный*. Для объясненія перваго е академикъ А. И. Соболевскій готовъ думать о вліяніи со стороны *δέμας* и т. п. словъ. Но и *δέμας* „станъ, тѣло“ и *δέμω* „строю“ и *δέμιον* „кровать“ — слова поэтическія и къ византійской эпохѣ давно позабытыя, да и не представляющія никакого соблазна для сближенія, ни съ семасіологической, ни со звуковой стороны: ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ничего общаго съ обязанностями доместика, ни сочетанія *деме*. То-же и въ позднѣйшихъ *δέμα*, *δεμάτιον* и *δεματικόν* „связка, пукъ“. И такъ вѣрнѣе искать объясненія этого е вмѣсто о на русской почвѣ, гдѣ есть напр. *ребѣнокъ* при *робѣнокъ*, *теперь* при *топерь* (изъ *топерво*), *Деметіи* изъ *Дометіи* (*Δομέτιος* = *Domitius*) ¹⁾ и наоборотъ — *Нестеръ* изъ *Нѣсторъ* (*Νέστωρ*).

3) *Жидъ* приводится въ связь съ ит. *giudeo*; но отсюда было-бы по славянски, вѣроятно, **жудей* или **жьдѣй*. Да и можно ли предполагать, что Славяне познакомились съ Евреями впервые черезъ Италію, и что затѣмъ это слово распространилось между славянами до самаго восточнаго предѣла занимаемой ими въ то время области? И то и другое въ высшей степени сомнительно. Еврейскія поселенія въ нынѣшней южной Россіи, именно въ Крыму, относятся еще ко временамъ эллинизма, но ближайшее знакомство Славянъ съ Евреями произошло, вѣроятно, черезъ Хазаръ и такимъ образомъ шло съ востока на западъ. Потому при объясненіи слова *жидъ* не мѣшаетъ справиться съ данными восточныхъ языковъ, что впрочемъ уже и дѣлалось неоднократно, но не совсѣмъ точно. Еврей по-еврейски *j'hūdī*, по-арабски *jahūdī*, по-персидски *джухуд*, откуда по-турецки *юфут*, *чывут* или *чывыт*. Последняя форма произошла путемъ уподобленія изъ *чывут*, а *чывут* заставляетъ предполагать **джіхуд*, что еще у Персовъ по какому-нибудь говору, напр. хоть-бы хо-

¹⁾ Ср. *пелементъ* вм. *полиментъ* — П. Симои, Опытъ сборника свѣдѣній по исторіи и технике книго-переплетнаго художества на Руси стр. 223.

расанскому (себеварскому), могло звучать **джіііd*, а у хазарских или сосѣдних съ Хазарами Турокъ, такъ какъ *h*—звукъ не исконный турецкій,—перейти въ **джііd* и даже въ **джііd*. Османскіе Турки принесли съ собою форму *чывут* изъ Азій и, вѣроятно, обозначали этимъ словомъ всѣхъ евреевъ безъ различія происхожденія, между прочимъ и переселившихся изъ Испаніи, какъ Сербы и Болгаре зовуть до сихъ поръ всякаго Еврея Чивутиномъ. Испанскіе Евреи сами себя называютъ *Espanjol*, и это названіе придаютъ имъ теперь и Турки, но усвоивать его себѣ они начали, вѣроятно, лишь съ XVI в., когда эти „Испанцы“ сумѣли заслужить особое покровительство со стороны нѣкоторыхъ султановъ.

4) *Крижь*, сербо-хорв. *крѣж* род. п. *крѣжа*, словѣнск. *kríz*, чеш. *kríz*, пол. *krzyż*—названіе креста, употребительное у славянъ—католиковъ, почему напр. талеръ съ изображеніемъ креста, по сербски *кресташ*, назывался у Далматинцевъ *крѣжар*, а у Хорватовъ—*крѣжак* ¹⁾, у Словѣнцевъ—*krizak*. Въ основѣ должно лежать лат. *crux* съ его др.-в.-нѣм. отраженіемъ *chrīuz* (н.-в.-нѣм. *Kreuz*), которое однако-же такъ сильно отличается отъ *крижь*, что это наводитъ на подозрѣніе, не вторглось-ли здѣсь въ звуковую область иное вліяніе—аналогія, несомнѣнно преобразившая закономѣрное **кръць* или **кръчь* въ *кръсть* по имени *Христосъ* род. п. *Христá*, которое сербскими католиками и теперь произносится *крет*, откуда *критьанин* (у православныхъ *христьянин*). При томъ-же *χρῖσ* „помазываю“, отъ котораго произведено *Χριστός* „помазанникъ“, есть *χρῖσμα* „помазаніе“, откуда црк.-слав. *кризма* или *крижма*, словѣн. *krizma*, чеш. *křízmo*, польск. *krzyżmo* или *chrzyżmo* „миропомазаніе“, святое масло, сербо-хорв. *кризма* „первое причащеніе“ (*confirmatio*), малор. *крижми*, словѣн. *krizemnik* „одежда крещаемого“. Другой вопросъ, попало-ли слово *χρῖσμα* къ Славянамъ прямо отъ Грековъ или черезъ др.-в.-нѣм. *chrismo*, *chrisamo*, которое въ свою очередь восходитъ къ латинской передачѣ этого слова—*chrisma*. Вѣроятнѣе послѣднее, такъ какъ по замѣнѣ придубнаго *x* мгновеннымъ *k* (вмѣсто др.-в.-нѣм. придыхательнаго *k*, графически *ch* напр. въ лат.—нѣм. *Christus*, что у Нѣмцевъ и теперь звучитъ *кхристус*,—слав. *кръсть*), такъ и по *ж* изъ *з* (если др.-в.-нѣм. *chrismo* фонетически=*кхризмо*) или изъ *с* (ср. напр. црк.-слав. *жупель*

¹⁾ У Ивана Тринскаго есть стихотвореніе „Иво и Јово“, гдѣ эти два „Вани“ представляютъ собою Хорвата и Сербá. Начинается оно такъ; „Иво и Јово: разлика која?“, а изъ дальнѣйшаго оказывается, что разница всего одна—„Разлика чудна ситъушне врсти: Иво се крижа, Јово се крети.“ Любопытно, что Вукъ признаетъ *крижати* только въ смыслѣ „рѣзать“ (ср. наше *че-кръжить* и, по Миклошичу, црк.-слав. *скрижаль*), а въ смыслѣ „креститься“—осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ приписываетъ и католикамъ *крстити се* (см. подъ словомъ *криж*), что и по-словѣнски *krizati se*.

изъ др.-в.-нѣм. swêbal, вмѣсто чего было, вѣроятно, и * swêphal или swêfal, откуда н.-в.-нѣм. Schwefel). Какъ бы то ни было, для показанія дѣйствія слова *крижма* на слово, обозначающее крестъ, важно очевидное изъ приведенныхъ выше примѣровъ тѣсное соприкосновеніе области перваго слова съ областью второго черезъ понятіе крещенія, которому уподобляется и конфирмація. Хотя близость понятій крещенія и креста ясна сама по себѣ, стоитъ замѣтить, что крещеніе называется у Словѣнцевъ и Хорватовъ просто *крст*, *krst*, и, конечно, это значеніе установилось не сразу. О борьбѣ двухъ вліяній, восточнаго и западнаго, свидѣтельствуетъ и сербское католическое *Исусе Крст*, вмѣсто котораго православные Сербы говорятъ *Исусе Христосе* согласно съ греч. Ἰησοῦς Χριστός; безъ воздѣйствія съ этой стороны у католиковъ было-бы **Иезус* изъ лат.-нѣм. Jesus.

б) *Москолудъ* „шуть“ съ производными *москолудити*, *москолудие* и *москолудство* извѣстно, кажется, только въ русскихъ памятникахъ, но такъ какъ, судя по ссылкамъ въ словарь Срезневскаго, его употребленіе ограничивалось областью духовной письменности (у Луки Жидяты и особенно въ житіи Андрея Юрьевскаго), можно съ весьма значительной степенью вѣроятности считать его церковно-славянскимъ. Что въ первой его части заключается слово въ родѣ „маска“, легко было догадаться, но во второй, конечно, напрасно предполагали слово „луда“. У Срезневскаго при словѣ *москолудство* есть замѣчаніе: „Ср. москорудство“, но самостоятельно эта форма у него не значится, а потому и не подтверждена ссылками. Если-бы она оказалась несомнѣнной, въ такомъ случаѣ безо всякаго колебанія можно было-бы возвести это слово къ византійскому, правда, неизвѣстному, но вполне вѣроятному источнику—**μασκαρούδης* „носящій маску“, **μασκαρούδα* или **μασκαρούδιον* „харя“ отъ *μάσκαρα* „маска“ съ той наставкой, посредствомъ которой образованы напр. *λειχούδης* (чаще *λειχουδιάρης*) „лакомка“ и *λειχούδιον* „лакомство“ отъ *λείχω* „лижу“, *ἀρκούδα* „медвѣдь“ отъ древняго *ἄρκτος* и др. Впрочемъ такое производство слова *москолудъ* кажется и помимо формы съ *p* вмѣсто *l* самымъ правдоподобнымъ.

б) Дубровницкое *δσαль* Вукъ толкуетъ: „некаква морска риба“. Заимствовано то существительное, къ которому *δσαль*—изъ *осель*—примыкаетъ въ качествѣ прилагательнаго: црк.-слав. *осель* есть гот. *asilus*; но своего рода заимствованіе можетъ быть и въ значеніи, и вотъ такой-то случай здѣсь, кажется, слѣдуетъ предположить. Въ средне-греческомъ просторѣчій осель назывался уже не *δνος*, а *γάδαρος*. Это слово сопоставляютъ съ древнимъ *γάδος*, названіемъ тоже „некакве морске рибе“, которая иначе называлась *δνος*. Со стороны грамматической это сопоставленіе безупречно: *γάδαρος* можетъ быть такимъ-же позднѣйшимъ лже-первообразомъ умень-

шительнаго γαδάριον отъ γάδος, какъ напр. πόδαρος „ножища“—уменьшительнаго ποδάρι(ον), потерявшаго, какъ и болѣе простое уменьшительное πόδι(ον) отъ ποῦς, значеніе уменьшительнаго. И такъ осель назывался еще въ древности у какого-то греческаго племени, можетъ быть, варварскимъ, напр. иллирскимъ или еракійскимъ, именовъ γάδος. Таково, по крайней мѣрѣ, весьма правдоподобное предположеніе; но дубровницкое δσαλι дѣлаетъ это предположеніе почти безспорнымъ.

7) Римъ заимствовано Славянами, конечно, не у Римлянъ и не у Грековъ, а у Германцевъ. Но возьмемъ-ли мы лат. Rōma, греч. Ῥώμη или др.-в.-н. Rōma, Rūma, ото всѣхъ этихъ формъ славянская странно отличается въ корнѣ и—на что, кажется еще никто не обратилъ вниманія—въ окончаніи: какъ rīma, такъ и rōma должны были явиться у славянъ въ видѣ **рума* или, можетъ быть, **рюма* (ср. др.-сканд. krdkr—*крукъ*, Hrōrik—*Рюрикъ*), потому что для переменъ рода не было ни малѣйшаго основанія. Остается, по видимому, допустить, что Римъ не передѣлано изъ нѣмецкихъ формъ этого имени, а выведено изъ прилагательнаго римскѣ, въ чемъ не было-бы ничего удивительнаго, такъ какъ Славянамъ, обращаемымъ въ христіанство Нѣмцами отчасти насильно, Rōma или Rūma стала извѣстна позже, чѣмъ diu rōmiska или rūmiska kiricha—„римская цркъ“, dēr rōmisko bābes—„римскій папѣж“ и т. п. Во всякомъ случаѣ разстояніе отъ rōmisk и особенно отъ rūmisk до римскѣ несравненно короче, нежели отъ Rōma или даже Rūma до Римъ, при чемъ слѣдуетъ въ расчетъ то, что германское ū отличается напротъ французскаго слабостью губнаго оттѣнка, почему легко смѣшивается съ i, а славянское ю, наиболѣе напоминающее звукъ ū, состояло изъ j(i)+у. Впрочемъ ю пошало-таки въ одно изъ производныхъ отъ Rōma: уже въ новѣйшее время Русскіе воспользовались своимъ ю для передачи ō въ нѣмецкомъ Römerglas, изъ котораго они сдѣлали *рюмка*.

8) Скамья восходитъ, очевидно, къ лат. scamnum, но не прямо, а черезъ греч. σκαμνίον или, по-просту, σκαμνίу, позже—σκαμνί. Изъ славянскихъ передѣлокъ этого слова древнѣйшимъ кажется серб. скѣмѣја, что ведетъ къ болѣе старому * *скамѣја*. Къ чужимъ существительнымъ на ударяемое i или ы Сербы всегда прибавляютъ окончаніе -ја: делија „удалецъ“ изъ тур. deli, колѣшија „сосѣдъ“ изъ тур. колѣши (теперь колѣшу), капиджѣја „привратникъ“ изъ тур. капуджѣ, двумрукѣја „таможенный досмотрщикъ“ изъ тур. гѣмрѣкѣжі, мисирѣја „Египтянинъ“ изъ тур. мысырѣлы и т. п. Но отсюда не слѣдуетъ, чтобы скѣмѣја основывалось на позднѣйшемъ σκαμνί, что и мало вѣроятно въ виду русскаго *скамья*, которое нельзя признать новымъ: сербская форма можетъ быть легко объяснена, такъ сказать, тематическимъ σκαμνί,—въ им. п.

σχαρνίу, род. σχαρνίου, им. мн. σχαρνία (что теперь σχαρνιοῦ = скамню, σχαρνία = скамня). То, что древнѣйшее (чакавское) *скаміја измѣнилось у насъ не въ *скѣмья, какъ Εἰδοχία — въ *Оздѣтъя*, и не въ *скамѣя*, какъ Πελαγία — въ *Палагѣя*, а въ *скамья*, можетъ объясняться приобщеніемъ этого заимствованія къ разряду своихъ *сѣмья*, *стѣмья*, *кнѣзья* (собрив.) и т. п. и чужихъ, какъ *бадья*, *кутъя* и др. Но тур. *іскемле* заставляетъ предположить существованіе еще другой славянской формы — *скамля, а изъ сопоставленія тѣхъ двухъ особенностей этой предполагаемой формы, что вторичное смягченіе выразилось въ ней звукомъ *ль*, и что ея родина — Балканскій полуостровъ, естественно заключить, что она принадлежитъ сербскому языку. Болг. *скемле* съ турецкаго.

9) Церк.-слав. *хоржгы*, др.-р. *хоругъвъ* или *хорюгъвъ*, теперь *хоруговъ*, сербо-хорв. *хоругва*, пол. *chorągiew*, чеш. *korouhev* — слово, очевидно, обще-славянское. Возведенію его къ гот. *hrugga* „шесть“ мѣшаетъ лишнее *о*, и это затрудненіе не устраняется предположеніемъ вѣдѣйствія мысли о церковномъ хорѣ, какъ объясняетъ вторженіе *о* проф. Р. Θ. Брандтъ, потому что къ церковному обиходу слово *хоржгы* было примѣнено, конечно, гораздо позже обще-славянской эпохи, а исключительно въ смыслѣ церковнаго знамени *хоруговъ* употребляется чуть-ли не у однихъ Русскихъ, да и то лишь по вытѣсненія этого слова изъ военнаго быта другими словами — *знамя*, *бунчукъ* (у казаковъ), позже *итандартъ* (у конницы). О турецкомъ *куйрукъ* „хвостъ“ и говорить не стоитъ. Есть и третья этимологія, также не новая, — отъ монг. *орогуга* „знамя“. Для принятія ея нужно допустить одно предположеніе, которое впрочемъ и само собою навязывается по причинамъ историко-культурнымъ, — что это слово проникло къ Славянамъ черезъ турецкую среду. Важно это условіе здѣсь потому, что въ турецкихъ языкахъ, именно западныхъ, рѣже въ восточныхъ, мы встрѣчаемъ иногда приставное *h*; такъ въ *hālālmā* „конечно“ изъ ар.-перс. *ālbātmā*, *hündür* „высокій“ — монг. *йр-йир* или *өндөр*, *hürimдэжк* „паукъ“ отъ *йрмэк* „прясть“, *hычикырмак* „икать“ при *ычкырмак* и т. п. Изъ возникшаго такимъ образомъ **хоругуга* или **хорагуга* (такъ какъ *о* по-турецки, кромѣ нѣкоторыхъ нарѣчій, можетъ быть только въ коренномъ слогѣ) въ обще-славянскую эпоху трудно и ждать чего-нибудь иного кромѣ *хоржгы*, потому что древнѣйшіе Славяне тѣмъ заимствованнымъ словамъ, которыя по своимъ окончаніямъ или вслѣдствіе какихъ-либо аналогій казались имъ принадлежащими къ женскому роду, обыкновенно придавали форму основъ на *у*, напр. *букы* — гот. *boжа* или *бок*, *църкы* — др.-в.-нѣм. *kiricha*, **мъркы* (русск. *морковь*, серб. *мрква*, чеш. *mrkev* и т. д.) — др.-в.-н. *moraha* и т. п. У Латышей *karuoks* отъ Славянъ, но полное ис-

чезновеніе наставки \bar{y} , какъ и второе \bar{n} , внушаютъ подозрѣніе, что это слово прошло предварительно черезъ какой-нибудь изъ западныхъ финскихъ языковъ. На Литвѣ оно, кажется, не сохранилось, но что оно было и тамъ, можно догадываться по малор. *корогва*, которое трудно объяснить иначе, нежели смѣшеніемъ литовской формы **karuokas* (**karōkas*) съ русской діалектической *хоругва* (ср. *цѣрква*, *мѣрква*). Малор. и вообще казачье *хорунжий* „прапорщикъ“ есть пол. *chorąży*.

10) Русск. и болг. *шапка*, пол. *szarka* до сихъ поръ представляетъ собою этимологическую загадку, но, кажется, вслѣдствіе не отсутствія или сомнительности матеріала, а лишь по его скудости. Есть это слово и у Турокъ—*шапка*, на Алтаѣ *шакпа*; но уже звукъ *ш*, рѣдкій у нихъ въ началѣ, внушаетъ сильное подозрѣніе, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ заимствованіемъ у Русскихъ, которымъ *шапка* извѣстно, по малой мѣрѣ, съ XIV в. Оттуда-же оно, вѣроятно, зашло и къ Болгарамъ. И такъ надежнѣе другая этимологія—отъ позднѣйшаго лат. *sara* или *sarra* ¹⁾ „плащъ“ и также „родъ головного убора“, а первоначально, можетъ быть, то и другое вмѣстѣ, т. е. широкій плащъ („*sara quia totum quasi capiat hominem*“, какъ говоритъ Изидоръ) съ капюшономъ. Последнее, правда, не совсѣмъ согласно съ Изидоровымъ опредѣленіемъ „*capitis ornamentum*“, но 1) такая одежда была очень употребительна и въ римскія времена (лат. *sucullus*) и въ средніе вѣка (ср. напр. сложное съ тѣмъ-же словомъ др.-сканд. *karuhöttr* „шапка при плащѣ“), 2) если *sara* или *sarra* обозначало плащъ именно съ капюшономъ, то, будучи примѣнено преимущественно къ капюшону, оно легко могло въ семасіологическомъ отношеніи подвергнуться воздѣйствію со стороны слова *caput*, чѣмъ объясняется то, что производнымъ, означающимъ головной уборъ, усвоенъ мужескій родъ, замѣнившій въ романскихъ языкахъ средній: ит. *sarpello*, франц. *chapeau* (изъ *chapel*, „вѣнокъ вмѣсто шапки,“) „шляпа“; ит. *sarpiccio* (а *sarpiccio*—головка), фр. (съ ит.) *saricse* и *sarichon* „капюшонъ“; ит. *sarregone*, фр. *charegon* „шапка изъ лоскутьевъ, колпачекъ“ (откуда др.-сканд. *karripn*). Такимъ путемъ совершилось и превращеніе „капюшона“ при плащѣ въ самостоятельную „шапку“. То-же значить и серб. *кана* и англо-сакс. *саерре* (с=к), если не что-то въ родѣ *башлыка* (впрочемъ англ. *сар* „шапка, чепецъ“ вполне какъ *кана*); но др.-сканд. *кара*—„плащъ“, хотя, вѣроятно, съ капюшономъ, какъ, повидимому, и нѣм. *Карре* въ прежнія времена (ср. плащъ-невидимку *Тагнкарре*). Какъ-бы ни было, *sarra* въ смыслѣ шапки и пути, которыми это слово могло проникнуть къ Русскимъ,

¹⁾ На одно *p* указываетъ, по видимому, др.-сканд. *кара* „плащъ“, на *pp*—не только итальянскія формы, но и французскія, такъ какъ одно *p* между гласными переходитъ во французскомъ языкѣ въ *b* и *v*.

не подлежать спору; но—вотъ тутъ-то и недостаетъ посредствующаго члена съ *и* и со значеніемъ шапки. Нужный намъ звукъ при отсутствіи мѣшающихъ наставокъ (-el,—on и т. п.) мы находимъ во французскомъ отраженіи этого слова *chape*, но значить оно родъ стихаря, что семіологически примыкаетъ къ понятію плаща (ср. *échapper*, ит. *scappare*, исп. *escapar* „убѣжать, улизнуть“, собств. сбросить съ себя мѣшающій бѣгу плащъ). Однако, если *sarra* имѣло значенія плаща и головного убора, мы имѣемъ право предположить то-же и относительно *chape*. И все-таки трудность не устранена, пока мы не намѣтимъ пути, которымъ французское слово перебралось къ намъ не позже XIV. в. Прежде всего, конечно, приходится подумать о германскомъ посредствѣ; но у германцевъ извѣстны только ср.-в.-нѣм. *scharēl*, др.-норв. *sappel*, *ciapel*, *џjapel*, стар. дат. *siaerel*, *seppel* „вѣнецъ или вѣнцеобразная шапка“ отъ фр. *chapel* съ непригодной для нашей цѣли наставкой -el. На этой почвѣ намъ остается допустить, что, если къ германцамъ зашло *chapel*, то могло зайти и *chape*, и при томъ въ смыслѣ шапки. Но это уже предположеніе, основанное на предположеніи. Или, принявъ *chape* въ смыслѣ шапки за фактъ, мы выведемъ свое слово прямо изъ Франціи? Но и здѣсь трудно обойтись безъ другого предположенія—что это слово занесено къ намъ еще въ XI. в., въ связи съ брачнымъ союзомъ между Анной Ярославной и Генрихомъ I французскимъ. Невозможнаго въ этомъ нѣтъ, однако есть затрудненіе фонетическое: французское *ch* до XIII в. звучало какъ наше *ч*. Впрочемъ въ сѣверной Франціи сложныя *c=ц*, *g* (передъ *e*, *i*) и *ǰ=дж* и *ch=ч* стали утрачивать зубной призывкъ, по видимому, значительно раньше. Во всякомъ случаѣ дальше предположеній мы здѣсь никакъ не зайдемъ, если намъ не помогутъ какія-нибудь новыя открытія въ памятникахъ. Вѣрнымъ кажется то, что пол. *czarka* не можетъ быть звеномъ между формами съ *к* (*с*) и нашимъ *шапка*. Наоборотъ—скорѣе *czarka* изъ *шапка*, но въ устахъ не славянскихъ, а мадырскихъ (ср. мад. *csajka*—серб. *шајка* лодка, также *csatangolni* шататься, слоняться, если оно изъ *шататиса* съ перестановкой носового звука).

И такъ въ 9 случаяхъ мы видѣли заимствованіе словъ по ихъ внѣшней формѣ и по смыслу, въ одномъ—*осаль*—только по смыслу. Бываютъ заимствованія и звуковыя—не *czarka*, гдѣ слово могло перейти отъ Мадыръ (*csarka*) къ Полякамъ цѣликомъ, а напр. измѣненіе *н* въ *м* въ нашихъ *Миколай*, *Микита* и *Микифоръ*. Изъ этихъ именъ употребительно у другихъ славянъ только первое, и его мы находимъ съ *м* у Поляковъ—*Mikołaj*, у Лужичанъ—*Mikławś* и у Словѣнцевъ—*Miklavś* (ср. фамилію *Miklosich*=Миклошичъ), т. е. у Славянъ, близко соприкасающихся съ Нѣмцами. Это обстоятельство наводитъ на мысль о нѣмецкомъ

происхожденіи такой замѣны. У Нѣмцевъ мы встрѣчаемся прежде всего со слѣдующимъ явленіемъ: распространенное и чтимое на Западѣ имя *Николай* въ Германіи употребляется рѣдко—почему? не потому-ли, что нѣмецкая его форма *Nikel* смѣшалась съ нѣмецкой-же формой имени *Мишамль*—*Michel* и до извѣстной степени была вытѣснена ею? Если такъ, можетъ оказаться на лицо и неизвѣстная мнѣ, но легко допустимая контаминація **Mikel* ⁴⁾, откуда потомъ и **Mikolaus*, отразившееся на первоначальныхъ пол. *Nikołaj* и слов. **Nik(o)lauš*. У насъ вліяніе западныхъ родичей особенно естественно въ имени святого, мощи котораго находятся на Западѣ. Пол. *Nikołaj* отозвалось въ нашемъ *Миколай*, а къ нему примкнули два другихъ очень употребительныхъ имени, начинающіяся также съ *Ник*-. Въ *Никандрѣ*, *Никанорѣ* и *Никонѣ* переходу перваго *н* въ *м* помѣшалъ, можетъ быть, второй *н*.

Ө. Коршъ.

⁴⁾ Эта форма есть у Лужичанъ, и принадлежитъ она, кажется, къ *Mik[aws]*, а не къ *Micha[el]*.